

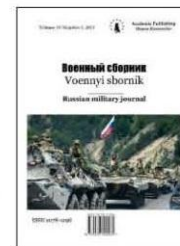
ISSN: 2309-6322

Founder: Academic Publishing House *Researcher*

DOI: 10.13187/issn.2309-6322

Has been issued since 1858.

Voennyi Sbornik. Russian Military Journal

UDC 947.0

Seizure of Maikop by the Wehrmacht (August 9–10, 1942)

Evgeny F. Krinko

Institute of Social-economic and Humanities Researches
of Southern Scientific Center of Russian Academy of Science, Russian Federation
Rostov-on-Don, 344006, Chekhov's Avenue, 41
Deputy Director, Dr (History)
E-mail: krinko@ssc-ras.ru

Abstract. In the summer of 1942, the Wehrmacht took hold of a large share of North Caucasus towns. This article is dedicated to the seizure of the town of Maikop by German troops within two days – August 9 and 10. It is written based on a number of archive documents and publications of recent years, as well as the reminiscences of participants in and witnesses to these events, including testimonies personally recorded by the author. This information made it possible to not just trace the course of events but assess the way they were perceived by the very residents of the area. The reasons behind such a quick seizure of Maikop are in large measure associated with the course of development of events in the southern sector of the Soviet-German front and the military-technical superiority of the advancing Wehrmacht troops in the course of the second summer campaign of the Great Patriotic War. The Red Army's rifle divisions and brigades weakened in previous battles were unable to withstand the onslaught of the opponent's tank and mechanized formations. The town's unpreparedness to mount a serious defense, a lack of coordination in the actions of the army command and local leadership took the toll. No small part in the seizure of Maikop was played by German diversionists from the "Brandenburg" special-purpose regiment, who managed to sow disarray in the actions of the town's defenders. The sudden occupation of Maikop proved a tragedy for most of its residents.

Keywords: Great Patriotic War; Red Army; Wehrmacht; Maikop; occupation.

Введение. Судьба многих советских городов в годы Великой Отечественной войны складывалась трагично, особенно в ее начальный период. Далеко не все они смогли оказать наступавшему противнику упорное сопротивление, а некоторые были сданы вообще без боя. Крупными «котлами», в которых оказались сотни тысяч бойцов и командиров РККА, завершились оборонительные бои за Минск и Киев. Напротив, оборона Одессы, Ленинграда, Севастополя стала примером стойкости и героизма советских войск в 1941 г.

Летом 1942 г. стратегической инициативой вновь овладело немецкое командование. Для захвата Кавказа была создана группа армий «А» под командованием генерал-фельдмаршала В. Листа, включавшая 1-ю и 4-ю танковые, 17-ю полевую немецкие, 3-ю румынскую армии, при поддержке 4-го воздушного флота. Противостоявшие этой группировке войска РККА существенно уступали ей в военно-техническом отношении, особенно в количестве самолетов и танков. Нанося мощные удары с воздуха по советским позициям, части вермахта переправились через Дон [1. С. 71–91]. Именно тогда, 28 июля появился приказ наркома обороны № 227 («Ни шагу назад!»), запрещавший отступление без приказа вышестоящего командования и предусматривавший создание в РККА

заградительных отрядов, штрафных рот и батальонов. Нелегкая задача сдержать продвижение вермахта на юг возлагалась на Северо-Кавказский фронт, которым командовал Маршал Советского Союза С.М. Буденный. Учитывая отсутствие в степной зоне значительных естественных рубежей, он еще 25 июля писал в Ставку Верховного Главнокомандования о невозможности имеющимися силами остановить вражеское наступление, предлагая отвести войска за реки Кубань и Терек, в предгорья Главного Кавказского хребта, где противник не мог реализовать свое превосходство в технике. К подобному выводу пришел и Генеральный штаб РККА [2. С. 56].

В то же время отдать врагу без боя территорию Северного Кавказа советское руководство не могло. Командование РККА издавало приказы о наведении порядка в отступавших войсках и переходе к наступлению. Но ослабленные в предыдущих боях войска отступали, причем так стремительно, что штаб Северо-Кавказского фронта за семь дней, со 2 по 9 августа, шесть раз поменял дислокацию: из Краснодара переместился в село Новокубанское, оттуда в станицу Белореченскую, затем в поселок Хадыженский, село Георгиевское и, наконец, в район Туапсе [3]. В этих условиях командование нередко теряло управление войсками. Вследствие быстрого продвижения частей вермахта оборона и эвакуация населения и имущества большинства городов Северного Кавказа оказались [4, 5]. Среди них был и административный центр Адыгейской автономной области (в настоящее время – Республики Адыгея) Майкоп, насчитывавший в начале 1942 г. около 62 тыс. чел. [6].

Материалы и методы. Обращение к захвату противником Майкопа позволяет в рамках микроисторического исследования рассмотреть на локальном примере типичные судьбы городов Северного Кавказа в условиях летнего наступления вермахта 1942 г. Статья написана на основе различных источников, включая рассекреченные архивные материалы и документальные публикации последних лет, позволяющие восстановить ход рассматриваемых событий. Немаловажное значение для их осмысления имеют также воспоминания участников и очевидцев захвата Майкопа, как уже опубликованные, так и записанные непосредственно самим автором и содержащиеся в его личном архиве. Проведение опросов опиралось на собственные разработки, а также опыт других российских и зарубежных исследователей в области устной истории.

Обсуждение. В советской военной историографии боевые действия на Северо-Западном Кавказе с 6 по 17 августа 1942 г. обычно рассматриваются как Армави́ро-Майкопская оборонительная операция Северо-Кавказского фронта, предпринятая с целью прикрыть район Майкопа – Туапсе и не допустить противника на побережье Черного моря [7 и др.]. При этом большинство исследователей приводят в качестве даты захвата войсками вермахта Майкопа 9 августа 1942 г. [8. С. 78]. В других работах захват Майкопа датируется 10 [9] и даже 12 августа [10. С. 55]. Главными мотивами захвата противником города считается стремление овладеть Майкопскими нефтяными месторождениями, в связи с чем нередко приводятся слова Гитлера на совещании в штабе группы армий «Юг» 1 июня 1942 г. в районе Полтавы. По словам Ф. Паулюса, фюрер заявил, что если «не получит нефть Майкопа и Грозного, то он должен будет покончить с этой войной» [11. С. 455].

Но о конкретных обстоятельствах захвата Майкопа вплоть до недавнего времени практически ничего не говорилось – ни в воспоминаниях современников, ни в профессиональных исследованиях. В значительной степени это объясняется неудачным ходом боевых действий за Майкоп и в то же время типичностью рассматриваемых событий для многих городов Северного Кавказа, их кажущейся тривиальностью, отсутствием ярких, хорошо известных примеров подвигов советских бойцов и командиров, заведомо снижавшим интерес мемуаристов и историков. Немало сведений о взятии Майкопа приводится в книге участника войны В. Тике, стремившегося описать рассматриваемые события глазами солдат и офицеров вермахта. Написанная еще в 1960-е гг., она была издана на русском языке только в середине 2000-х гг. [12]. Незадолго перед этим вышли первые специальные публикации по данному вопросу и в России [13].

В последние годы получили широкое распространение конспирологические версии прошлого, выступающие формой современной мифологии: быстрый захват советских городов противником нередко объясняется предательством или трусостью их защитников. Несколько лет назад автор получил по электронной почте письмо, написанное, вероятно, под влиянием книги В. Тике. В числе прочих, в нем ставился и следующий вопрос: «Кто из

руководителей понес ответственность и был ли наказан по 227 приказу “ни шагу назад” [стилистика и пунктуация оригинала сохранены – *Е.К.*]. Вероятно, разъяснений о том, что действие приказа № 227 распространялось только на военнослужащих, а гражданских лиц по нему не расстреливали, все-таки недостаточно, и трагические для Майкопа события 9–10 августа 1942 г. нуждаются в дополнительном прояснении.

Результаты. Война с самого начала изменила жизнь Майкопа, как и других советских городов. Многие майкопчане были призваны на фронт, промышленные предприятия перешли на выпуск военной продукции, горожане участвовали в строительстве оборонительных сооружений. Уже в ноябре 1941 г. начались, а в конце июля 1942 г., когда войска вермахта прорвались на Северный Кавказ, возобновились формирование партизанских отрядов, подготовка к эвакуации и уничтожению оборудования, вывозу людей, техники и скота. На казарменное положение был переведен городской истребительный батальон, на основе которого планировалось создание трех партизанских отрядов. Однако события развивались слишком стремительно. В первые дни августа между Донской и Приморской оперативными группами Северо-Кавказского фронта возник стокилометровый разрыв. С севера на Краснодар продвигалась 17-я армия генерал-полковника Р. Руоффа, с востока и северо-востока в направлении Армавира, Майкопа и далее на Туапсе наступала 1-я танковая армия генерал-полковника Э. фон Клейста. Она включала 3-й танковый корпус генерала от кавалерии Э. фон Макензена, 57-й танковый корпус генерала танковых войск Ф. Кирхнера и 44-й армейский корпус генерала артиллерии М. де Ангелеса. Стремясь прорваться к Майкопскому нефтяному району и Черноморскому побережью в районе Туапсе, немецкое командование бросило на это направление шесть дивизий, в том числе две танковые, три моторизованные и одну легкопехотную при поддержке крупных сил люфтваффе. Против ослабленных соединений 12-й армии генерал-майора А.А. Гречко и 1-го отдельного стрелкового корпуса полковника М.М. Шаповалова противник сосредоточил 16-ю моторизованную дивизию генерала танковых войск З. Хенрици, моторизованную дивизию СС «Викинг» группенфюрера СС Ф. Штайнера и 13-ю танковую дивизию генерал-майора Т. Херра. В пехоте противник превосходил советские войска в 4 раза, в авиации – в 7,7 раза, в артиллерии и минометах – в 10 раз, в танках – абсолютно [8. С. 78 и др.].

В ночь на 5 августа Ставка ВГК приказала Северо-Кавказскому фронту «немедленно прочно прикрыть район Майкоп и дорогу Майкоп – Туапсе, с тем, чтобы ни в коем случае не дать противнику возможности выйти с армавирско-майкопского направления на побережье Черного моря». В случае прорыва к Туапсе противник выходил в тыл советских войск, оборонявших Закавказье, а армии, оборонявшиеся на Кубани, оказывались в глубоком «котле». Но протяженность линии фронта 12-й армии достигла 115 км или до 40 км на дивизию. В некоторых стрелковых дивизиях и бригадах к этому времени оставалось по 500–600 бойцов, заканчивались боеприпасы [14. С. 350–351]. Поэтому маршал Буденный приказал командующему 18-й армией генерал-лейтенанту Ф.В. Камкову передать 353-ю и 395-ю стрелковые дивизии, 16-ю и 68-ю стрелковые бригады в состав 12-й армии, а остальными силами – 31, 236-й и 383-й стрелковыми дивизиями, 9-й мотострелковой дивизией НКВД, майкопским и белореченским гарнизонами – прикрыть майкопско-туапсинское направление, не допустив здесь прорыва противника. Со стороны Краснодара в этот район также отходили части 17-го кавалерийского казачьего корпуса. Для поддержки войск, прикрывавших район Майкопа, командование 18-й армией создало артиллерийскую группу из 59 орудий и 60 минометов [10. С. 54–55].

Для большинства майкопчан 9 августа, по-видимому, начинался так же, как и многие другие дни тяжелого лета 1942 г. Майкоп жил в напряженном ритме прифронтового города, жители которого могли получать информацию только из доступных им средств. Таковыми в условиях обязательной сдачи населением радиоприемников еще в начале войны являлись сводки Совинформбюро. С начала августа Совинформбюро сообщало об ожесточенных боях советских войск на территории Краснодарского края и Ростовской области – за станицу Куцевскую, город Сальск, село Белую Глину. Эти сведения выглядели настораживающими, но еще не катастрофическими: все-таки, Куцевскую от Майкопа отделяло 259 км, Белую Глину – 268 км, а Сальск вообще располагался в 329 км. Только 7 августа впервые прозвучало сообщение о боях за Армавир, расстояние до которого составляло 119 км.

В реальности же бои за Армавир начались еще 3 августа, когда к городу подошли передовые части 3-го танкового корпуса. 7 августа город фактически был захвачен вермахтом, хотя его последние защитники продолжали сражаться, покинув Армавир только в ночь на 9 августа [15. С. 88–89].

Между тем, уже 6 августа 13-я танковая дивизия захватила плацдарм на реке Лабе поблизости от станицы Курганной (в настоящее время – город Курганинск) в 84 км от Майкопа. 16-я моторизованная дивизия в тот же день вышла к Лабе у станицы Лабинской (в настоящее время – город Лабинск) в 60 км от Майкопа и на следующий день форсировала ее. Последняя крупная речная преграда была пройдена, а левые притоки Лабы не представляли серьезных трудностей для преодоления. 8 августа 13-я танковая дивизия и 16-я моторизованная дивизия уже готовились к штурму Майкопа [12. С. 68].

Однако в утреннем сообщении Совинформбюро 8 августа говорилось о том, что в течение ночи «наши войска вели бои с противником в районах Клетская, севернее Котельниково, Армавир и южнее Куцевская». В вечернем: «В течение 8 августа наши войска вели ожесточенные бои в районах Клетская, северо-восточнее Котельниково, а также в районах Армавир и Кропоткин» [16]. Эти сведения были фактически повторены на следующее утро [17]. Неудивительно, что предприятия и учреждения Майкопа 9 августа продолжали работать, в них сжигали документы, готовились к эвакуации. Милиционеры и бойцы истребительного батальона стояли на своих постах, охраняя различные объекты. Начать эвакуацию ранее положенного срока означало проявить трусость, а дезертирство сурово каралось по законам военного времени.

Впрочем, о приближении к городу войск противника было известно. В течение нескольких дней через Майкоп шел непрерывный поток отступавших красноармейцев и беженцев. Особенно тревожным выглядело то, что три дня они отступали в направлении Армавира, по улице Некрасова, так как Северная (сейчас – Хакурате), выведившая к Кужорскому переезду, была грязной и разбитой (горожане выгоняли по ней скот на пастбище), а затем повернули в обратную сторону, на Туапсе. Н.П. Кардашов в письме в редакцию газеты «Майкопские новости» отмечал, что лето было жарким, и жители поили усталых красноармейцев водой из колодцев [18]. Оперативный уполномоченный Управления НКВД по Адыгейской АО Иван Петрович Уткин вспоминал, что отступавшие летчики советовали ему: «Уходите отсюда, чего вы сидите, немецкие танки уже под [станцией] Гиагинской в кукурузе стоят» [19].

Был и еще один источник сведений, усиливавший напряжение – это слухи, появлявшиеся всегда, когда официальные средства информации не удовлетворяли граждан. Виктор Максимович Чуканов в своих воспоминаниях отмечал: «Мы ждали немцев, все вроде было нормально, но шли слухи, что учреждения уже эвакуировались, по городу якобы ходили немцы, переодетые в нашу форму» [20]. За распространение слухов в годы войны грозило уголовное наказание. По Указу Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения» от 6 июля 1941 г. виновные в этом карались тюремным заключением на срок от двух до пяти лет, если действие не влекло более тяжкого наказания – например, когда слухи распространяли диверсанты врага. Чуканова насторожила пара молодых людей: «Смотрю, ко мне все ближе, метров шесть до ворот, прижимается молодой такой холеный лейтенант, не фронтовик, я сразу отличил. И молодая девушка, может быть, его жена. Девушка говорит: “Ваня, Ваня, слушай, передают, что за Армавир ведутся ожесточенные бои. А ведь Армавир три дня тому назад как сдали немцам”» [20].

Анализ источников позволяет утверждать, что Майкоп оказался практически не готов к серьезной обороне. В объяснительной записке первого секретаря Адыгейского обкома ВКП(б) А.Н. Ермакова впоследствии говорилось: «Имея систематическую связь с командованием Красной Армии, мы не располагали данными об угрозе г. Майкопу в ближайшее время. Кроме того, вокруг г. Майкопа были произведены окопные сооружения, и хотя бы продолжительное время, но бой за Майкоп должен быть. Однако немецкие войска вошли в город без боя и неожиданно не только для нас, но и для командования Красной Армии» [14. С. 403–404]. Воспоминания очевидцев дополняют картину состояния обороны города накануне вторжения вермахта. Н.П. Кардашов по окончании восьми классов работал на механическом заводе имени Фрунзе. Завод не успели эвакуировать, но рабочих

распустили по домам, и он решил пойти посмотреть, какие меры предпринимались для организации обороны города. На западной окраине, у последних домов возле дороги, ведущей на станицу Ханскую, Кардашов увидел врытый в землю легкий танк и проволочные заграждения. Возле вокзала стояла полутоннажная машина, с установкой из четырех пулеметных стволов в кузове. У моста через реку Белую были вырыты окопы, на восточной окраине находились две зенитные пушки. По словам очевидца, впоследствии восемь лет прослужившего в армии: «Сделано было мало, хотя отступающих войск было много. Но без оружия они мало чем могли помочь Майкопу» [19].

Примерно в 10 часов утра 9 августа в небе над городом появились низко летевшие немецкие самолеты, бомбившие и обстреливавшие из пулеметов колонны отступавших красноармейцев и беженцев. В ответ по ним открыла огонь зенитная установка со стороны вокзала. В течение дня самолеты появлялись еще не раз, особенно интенсивно они кружились над мостом через Белую. Очевидцы утверждают, что с самолетов разбрасывались листовки, в которых говорилось: «Ждите нас вечером» [21].

Появившись в очередной раз над Майкопом во второй половине дня, самолеты сбросили бомбы между городом и станицей Ханской. Вслед за ними во второй половине дня в Майкоп вошли немецкие бронетранспортеры и танки, а за ними автоматчики. Это были ударные части 13-й танковой дивизии. Для захвата Майкопа было создано три ударные штурмовые группы – Кризолли, фон Рачека и Штольце. В первую штурмовую группу входило девять бронетранспортеров 1-го батальона 66-го полка, ее действия поддерживали танки второй группы, третью составил 43-й мотоциклетный батальон. Согласно В. Тике, штурмовые группы начали атаку Майкопа в 13 часов со стороны станицы Кужорской. В город они вошли после нескольких мелких боев в 15 часов, а в 18 часов 50 минут боевая группа фон Рачека сумела овладеть районом железнодорожного вокзала. Боевая группа Штольца столкнулась с упорной обороной советских войск у северо-западного въезда в Майкоп и была вынуждена в наступившей темноте отойти на 3 км от города [12. С. 75, 77]. Противник опасался вести бой в ночном городе. К этому моменту областные и городские руководители также покинули Майкоп, считая, что он находится в руках немцев. В докладной записке секретаря по кадрам Адыгейского обкома ВКП(б) Л.Н. Бондаренко сообщается, что город был захвачен в 18 часов 30 минут [14. С. 402].

Немаловажную роль в дезорганизации советской обороны сыграли действия немецких диверсантов из 800-го полка особого назначения «Бранденбург». Группа из 62 военнослужащих – специально подготовленных прибалтийцев и судетских немцев, говоривших по-русски, переодетых в форму солдат НКВД, на трофейных ЗИСах еще 2 августа проникла в Майкоп. Командовал отрядом под видом майора государственной безопасности Трухина лейтенант Адриан фон Фелькерзам – прибалтийский барон, родившийся в Санкт-Петербурге, не одно поколение предков которого верой и правдой служило России (дед, контр-адмирал Д.Г. фон Фелькерзам, был младшим флагманом 2-й Тихоокеанской эскадры в 1905 г.). Пользуясь преимуществом, которое давала форма и документы военнослужащих НКВД, немецкие диверсанты получили необходимую информацию о расположении основных узлов обороны и общей ситуации в городе. Вечером 8 августа они взорвали городской узел связи и вывели из строя все линии связи. Затем захватили телеграфную станцию. На все запросы передавался один ответ: «Город оставлен. Телеграф прекращает свою работу!». На следующий день Фелькерзам, перемещаясь по городу, вносил путаницу и деморализацию в действия его защитников, рассказывая о том, что Майкоп скоро будет обойден, а им следует как можно быстрее оставить позиции и уходить. Другие диверсанты имитировали взрывами гранат артиллерийский обстрел, стремясь вызвать панику, а часть отправилась на буровые и нефтехранилища с приказом об отмене их уничтожения.

Немецкие танки и бронетранспортеры уверенно продвигались по городу, в частности, вышли прямо к зданию обкома партии. Стратегически важный мост через реку Белую захватил переодетый в советскую форму взвод солдат полка «Бранденбург» под командой лейтенантов Прохазки и Зойберлиха на четырех грузовиках. Остановившему их генералу РККА диверсанты объяснили, что едут на усиление охраны моста. Добравшись до моста, «бранденбуржцы» перебили охрану и удерживали его до подхода главных сил, помешав отходу частей РККА [12. С. 75–77]. Но за мостом упорное сопротивление противнику оказали

отступавшие красноармейцы, среди которых были казаки 17-го кавалерийского корпуса. Пристрелив своих лошадей и создав из них подобие бруствера, пулеметчики несколько часов сдерживали атаки намного превосходивших их в численности немецких солдат [22]. Ценой своей жизни отдельные бойцы и командиры задержали дальнейшее продвижение частей вермахта.

Семнадцатилетнему бойцу истребительного батальона Виктору Чуканову, окончившему летом 1942 г. второй курс Майкопского механического техникума, первая встреча с немцами запомнилась на всю жизнь. 9 августа он стоял часовым на посту возле ворот казармы, располагавшейся в здании бывшей городской бани на углу улиц Пролетарской и Жуковского. Около 17 часов по улице Краснооктябрьской со стороны вокзала выехал и остановился прямо посередине перекрестка немецкий танк. От ворот казармы его отделяло всего метров шестьдесят. Из люка вылез танкист в комбинезоне и огляделся по сторонам, вероятно, ориентируясь, куда дальше ехать. Бойцы батальона, первый раз увидев живого немца, забыв об опасности, выбежали на улицу. Окончивший летом курсы снайперов, Чуканов решил застрелить танкиста из винтовки СВТ, однако пожилой боец удержал его от этой рискованной затеи. Танкист сел, танк ушел в сторону городского парка [20].

Старший лейтенант госбезопасности Михаил Васильевич Бучкин, находившийся с другими сотрудниками Управления НКВД по Адыгейской АО в детском приемнике на улице Пушкина, недалеко от городского парка, примерно в это время искал машину для отправки в горы секретных документов. Когда на улицу вышел начальник следственного отдела областного Управления НКВД, лейтенант госбезопасности Б.И. Восс, неожиданно раздались лязг гусениц и автоматные очереди. Он только и успел крикнуть: «Немцы!», как «пулеметные очереди врезались в забор и стены здания, со звоном полетели на тротуар разбитые стекла» [23].

Источники свидетельствуют, что местные власти оказались в растерянности, оставив при отходе документы и материальные ценности, не успели организовать уничтожение предприятий, учреждений и других объектов (в документах отмечалось, что специальные мероприятия в городе были проведены частично). Из города не успели эвакуироваться ни раненые красноармейцы и краснофлотцы, находившиеся на лечении в госпиталях, ни семьи многих коммунистов. Ермаков утверждал, что он неоднократно ставил перед крайкомом партии «вопрос демонтажа предприятий, вывоза продукции, отправки семей нач. состава и ответработников». Однако только «в последние дни перед оставлением г. Майкопа стали давать вагоны» [19. С. 403]. Лидия Михайловна Ксендз рассказала, что когда уже появились немецкие танки, ее мать, инструктора горкома партии, прямо с работы на машине отправили в лес: «А я здесь была. Ко мне мальчишки прибежали и сказали: “Лида, уходи скорее, иначе немцы тебя расстреляют!”». И она убежала из города в лес, прямо в том, в чем была – в летнем платье и тапочках, ничего не взяв с собой [24]. Однако многие уйти не успели. Из 900 членов городской партийной организации на оккупированной территории остались 228 человек, впоследствии часть из них исключили из партии. После освобождения города секретарь Майкопского горкома ВКП(б) Ф.В. Ключко признавался в том, что многие коммунисты упрекали его: «Зачем вы нас здесь бросили». Действительно, по его словам, многие жители просто не смогли выехать, «ведь никто не знал, что 9 августа город будет сдан» [25].

Не успели отойти и советские войска, прикрывавшие Майкоп. Вечером, ночью и на следующий день через город в горы пытались пробиться отдельные красноармейцы и командиры, даже небольшие подразделения. Майкопчане показывали им дорогу, порой сопровождали, некоторых прятали и передевали в гражданскую одежду. По воспоминаниям Владимира Чемгуевича Мезоха, вскоре после того, как в город вошли немцы, к ним во двор «забежал небольшого роста военнослужащий с зелеными петлицами, рванув на себе ворот гимнастерки, закричал: “Женщины, спасите!”... он оказался военным фельдшером первого ранга... Вскоре во дворе появились еще двое военных – моряк и артиллерист, оба офицеры». Раненого моряка перевязали, всех переодели в штатскую одежду и спрятали. Затем к ним присоединились еще один лейтенант и двое солдат [26. С. 11–13]. В.А. Передний вспоминал, что вечером 9 августа «по улице Больничной (сейчас – Гагарина) в сторону Белой отступали наши многочисленные войска. Техники было мало, в

основном “полуторки”. Проезжая часть Больничной была вымощена булыжником, и когда на ней появлялась “полуторка” без скатов, на дисках, раздавался ужасный грохот. Часто такую технику красноармейцы бросали и, прихватив вещмешки, шли пешком. С северной части города немецкая артиллерия обстреливала мост через Белую. Слышались и ружейные выстрелы. К полуночи раздался рокот мотоциклов и грузовиков – это входили в город немецкие войска» [27].

О действиях областного руководства непосредственно 9 августа в докладной записке Бондаренко говорится следующее: «Областной руководящий партийно-советский актив, будучи обстрелян с танков пулеметным огнем и автоматчиками, рассредоточился по близ окружающим дворам и огородам, ибо, будучи вовсе не вооруженными, либо имеющими при себе пистолеты “Коровина”, никакого сопротивления оказать не смогли». Сам Ермаков так описал происходившие события в своей объяснительной записке: «9 августа 1942 г. в 6 ч вечера я решил уничтожить шифродокументы. Спустившись в подвал обкома ВКП(б) с шифрработником обкома ВКП(б) т. Гостевой, сжигая шифродокументы, я заметил, что секретари крайкома тт. Бычков и Попов бросились к свои машинам. Выйдя из подвала, я спросил у т. Бычкова, куда они едут? Т. Бычков ответил, что едут за мост. Я, ничего не подозревая, спустился в подвал и закончил уничтожение шифродокументов. Выйдя из подвала, я понял, что в городе немцы, и мы окружены» [14. С. 404]. В соседнем дворе к ним присоединились другие военные и партийные работники, включая председателя областного исполкома А.Х. Чамокова. Образовавшаяся группа в 30–35 чел. решила выходить из окружения. Журналистка Н.П. Резникова приводит дополнительные драматические подробности поспешного отступления: страдавший грудной жабой Ермаков задыхался, настаивал: «Бросайте меня здесь, а то из-за меня все погибните...». Инструктор отдела агитации и пропаганды обкома ВКП(б) Н.П. Служава отпаивала его водой из фляги [28]. Поскольку мост был захвачен немцами, областными и городскими руководителям пришлось переходить реку вброд. Под вражеским обстрелом погибла Н.Е. Гостева.

По признанию Ермакова, 9 августа они успели сжечь только шифродокументы, а до этого уничтожили архив Адыгейского обкома ВКП(б), текущую переписку и ряд других материалов. Но руководители Адыгеи не сумели вывезти мобилизационный план на случай эвакуации, содержащий данные о расстановке коммунистов для ведения подпольной работы, с указанием их фамилий, мест явок, паролей и отзывов, баз областного и районных подпольных центров, план базирования партизанских отрядов, список их руководящего состава и некоторые другие документы. В несгораемом ящике осталась партийная касса в размере 70 тыс. руб. (по другим данным – 50 тыс. руб.) [14. С. 401, 403–404].

Не успел вывезти шифродокументы и старший лейтенант госбезопасности Бучкин. Его жена, Клавдия Бучкина, работавшая в милиции начальником адресного бюро, отступая вместе с другими сотрудниками НКВД через поселок Краснооктябрьский, к ночи добралась до станицы Дагестанской. Через день она встретила на улице мужа, который, по его словам, просидел весь день 10 августа в Александровской церкви, а ночью добрался до Дагестанской. По воспоминаниям К.А. Бучкиной, муж решил возвращаться в Майкоп за шифродокументами, заявив: «Я один знаю, где они находятся. Враг не должен ими воспользоваться». И они пошли назад в Майкоп, остановились на западной окраине города у лесничего Марьина. Клавдия Бучкина отправилась в город на разведку и выяснила, что в детском приемнике расположилось немецкое подразделение, во дворе находилось много мотоциклов. Когда стемнело, супруги зашли к матери К.А. Бучкиной, проживавшей на улице Максима Горького, где по доносу старшего лейтенанта арестовали. Вначале его отвезли в полицейское управление в районе Старого базара, а оттуда отправили в контрразведку (в настоящее время – гостиница «Майкоп»). Здесь он находился около двух недель, по крайней мере, столько времени от его жены принимали передачи, а затем, вероятно, был расстрелян [23].

Обстоятельства оставления города, действия отдельных руководителей и сотрудников партийных, советских и правоохранительных органов впоследствии стали предметом специальных разбирательств. Лица, поведение которых вызвало сомнения, подвергались дополнительной проверке, к ним применялись различные взыскания и наказания. В частности, крайком партии освободил от должности секретаря по кадрам Адыгейского обкома ВКП(б) Л.Н. Бондаренко, секретаря по промышленности и транспорту горкома

ВКП(б) М. Автаева. Очевидцы рассказывали о расстреле женщины – сотрудника секретного отдела обкома партии, которая не явилась на сборный пункт и не эвакуировалась [29].

Вследствие внезапного захвата города, по словам Бондаренко, «не был выведен организованно истребительный батальон, он бежал поодиночке или мелкими группами, не вооруженным. Абсолютное большинство вооружения и боеприпасов осталось в городе» [14. С. 402–403]. Воспоминания участников событий рисуют достаточно противоречивую картину отхода в лес истребительного батальона. В. Мосягин подтверждал, что планомерный выход был сорван неожиданным появлением немецких войск. По его словам, рота истребительного батальона, в которой он находился, «собралась ехать в лес партизанить. Весь личный состав с оружием в руках вышел со двора здания бывшего сельхозтехникума [в годы войны – механического техникума, в настоящее время – корпуса Майкопского государственного технологического университета – *Е.К.*] и стал готовиться к посадке на автомашину». Однако сначала в небе появились немецкие самолеты, а затем с северной стороны города подошла «колонна стальных громад с крестами». Очевидец сообщил примечательный факт – немецкие танки шли в походном, а не в боевом порядке, по-видимому, даже не ожидая сопротивления: «Орудия зачехлены, люки открыты, из них выглядывают танкисты». Подобная картина не позволяло поверить в реальность происходящего, скорее, напоминала сцену из кинофильма, у Мосягина даже мелькнула мысль: «Наши на трофейных». Лишь появление немецких мотоциклистов развеяло сомнения: «Танки прошли мимо двора, где мы затаились за забором. Сомнения исчезли – в город входил враг. Мелкими группами мы стали пробираться к кирпичному заводу. Перебравшись вброд через Белую, бойцы истребительного батальона скрылись в лесу» [30].

Иван Уткин перед выходом из города также оказался в здании механического техникума. По его словам, после того, как немецкий танк выстрелил по воротам, «через [реку] Белую все ушли. Отступали, как попало» [19]. Следовательно, отдельные бойцы истребительного батальона, вместе с сотрудниками правоохранительных органов, городскими и областными руководителями выбирались из города, как могли, на юг, в направлении Апшеронска и гор.

Напротив, воспоминания Чуканова рисуют более планомерную картину отхода в лес другой части бойцов истребительного батальона, которую сумел собрать в здании городской бани командир одной из рот Ф.М. Стрельников. Вплоть до наступления ночи бойцов не распускали и держали в полном неведении, поскольку командиры и сами не знали, какова ситуация в городе и что им следует предпринять. В 12 часов ночи всех построили в казарме, отдали приказ: «Отходим в лес. Кто не желает идти, уходите, мы вас не принуждаем». По словам Чуканова, все сначала «остались, потому что неудобно было уйти, скажут, что предатель. Но по пути некоторые ночью смылись». Мимо дубзавода, по Профсоюзному переулку колонна вышла в лес. На опушке леса, на рассвете, около 3–4 часов утра, командиры построили бойцов и объявили приказ, по которому истребительный батальон превратился в Майкопский партизанский отряд № 1 «Народные мстители» [31].

В Майкопе 10 и 11 августа продолжались боевые действия. Боевая группа фон Рачека снова перешла в атаку из района вокзала под прикрытием боевой группы Штольца. Несмотря на массивную поддержку артиллерии, в 15 часов она была остановлена ожесточенным сопротивлением советских войск. Только при помощи танков немцам удалось расшить занимаемый плацдарм на Белой. Остатки 9-й мотострелковой дивизии НКВД и 31-й стрелковой дивизии продолжали бои в юго-западной части Майкопа и под станцией Ханской [32. С. 34]. Лишь к вечеру 11 августа противник смог захватить важный шоссеый мост на дороге, ведущей к Туапсе, обойдя его защитников с тыла. Тем не менее, уже вечером 10 августа последовало специальное сообщение немецкого радио о взятии Майкопа. За этот успех командир 13-й танковой дивизии генерал-майор Херр был награжден дубовыми листьями к Рыцарскому кресту [12. С. 77–78]. лейтенант Фелькерзам удостоен Рыцарского креста Железного креста.

Вечером 10 августа об ожесточенных боях в районе Майкопе впервые сообщило и Совинформбюро [33]. Эти же сообщения продолжали передаваться в течение последующих пяти дней, и только вечером 16 августа последовало признание: «Наши войска оставили город Майкоп». При этом отмечалось: «Оборудование майкопских нефтепромыслов и все наличные запасы нефти своевременно вывезены, а сами нефтепромыслы приведены в

полную негодность. Немецкие фашисты, рассчитывавшие то взятием Майкопа поживиться за счет советской нефти, просчитались: советской нефти они не получили и не получают» [34]. К этому времени войска противника были остановлены в предгорьях западной части Главного Кавказского хребта. Прорваться к Туапсе им не удалось.

Заключение. Причины неожиданно быстрого захвата немецкими войсками Майкопа в значительной степени объясняются превосходством вермахта в военной технике, вооружении, боевом опыте и подготовке войск. Ослабленные стрелковые дивизии и бригады РККА не сумели остановить натиск танковых и механизированных соединений противника. Отрицательную роль сыграла несогласованность в действиях военного командования и местного руководства, не сумевших подготовить серьезную оборону города. Противника ждали с севера, со стороны Краснодара и станицы Белореченской (в настоящее время – город Белореченск), а он появился с востока, со стороны Армавира. Следует отметить решительность и инициативу в действиях частей вермахта. По словам В. Тике: «Штурм Майкопа представлял собой одну из самых отчаянных операций в военной истории» [12. С. 73]. Действительно, диверсанты-«бранденбуржцы» помогли уже первым штурмовым отрядам овладеть центром города, что позволило противнику избежать его длительной и утомительной осады. Тем не менее, диверсантам не удалось предотвратить уничтожения нефтепромыслов и нефтехранилищ, являвшегося их главной задачей. Немало советских бойцов и командиров продолжало сражаться, даже находясь в окружении, ценой своей жизни задерживая дальнейшее продвижение вермахта.

Приход оккупантов вызвал шок у многих жителей города. Г. Горбатенко так запомнила начало оккупации: «Накануне, на ночь, нас мама повела ночевать в соседский окоп (рыли несколько соседей вместе). Накрыли окоп периной, и мы, дети уснули. Матери сидели над нами. Проснулись вскоре от крика. В окоп прыгнули двое пареньков – солдат. Говорили, что отстали от роты, просили укрыть их. Матери плакали, и мы просили их уйти, боялись, чтоб из-за них немцы не постреляли нас. Солдаты ушли на рассвете, а днем появились немецкие мотоциклисты, танки» [35]. По словам С. Фирсова: «В далекий августовский день сорок второго, как сейчас помню, я впервые увидел немецкие машины, движущиеся по склону Северо-Восточных садов со стороны станицы Кужорской. Еще не все происходящее осознавая до конца, мы, восьмилетние пацаны, твердо поняли одно – наступили оккупация» [36]. Еще одна жительница Майкопа писала: «Мне было тогда шесть лет, но я хорошо помню, как это было. Над городом нависла какая-то черная туча. Наверное, что-то горело. К нашему домику (в начале улицы Шовгенова) подкатили немцы на мотоциклах. Забежали в дом, начали хватать продукты – молоко, сало, яйца – и тут же начали кормить своих собак» [37].

«Черная туча, накрывшая город», стала своеобразным символом времени немецкой оккупации для многих жителей города. Трудно установить, была ли на самом деле погода пасмурной, стоял ли над городом дым от разрывов, или это лишь образное выражение, отразившее соответствующую эмоциональную реакцию на приход захватчиков. Но очевидно, что в той гамме чувств, которую испытывали многие майкопчане 9–10 августа, присутствовал не только страх за свою судьбу и судьбу своих близких, но и тревога за родной город. Находившаяся в лесу Любовь Фролова (дочь лесника М.Х. Щербаня, ставшего в период оккупации проводником Майкопского отряда № 1 «Народные мстители»), вспоминала, что 9 августа слышала «со стороны Кужорского шляха лязг гусениц, столько немецких танков шло, что все грохотало. Со стороны Майкопа была слышна канонада, а потом зарево поднялось, все горело. Все, даже мужчины, стояли и плакали». Кормившая четырехмесячную дочь, Фролова так сильно переживала сдачу Майкопа, что «наутро молока не стало» [29].

9 августа 1942 г. – день начала немецкой оккупации – стал экстремальной ситуацией, которая перечеркнула пополам судьбы многих майкопчан, разделив их жизнь на две половины. С этого дня жизнь в городе резко изменится, будет введен комендантский час, ограничено свободное передвижение. На улицах станет звучать чужая речь, в домах расположатся немецкие, австрийские, словацкие, румынские солдаты и офицеры, нередко выселявшие хозяев в подсобные помещения. Стены домов и фонарные столбы оклеят приказами немецкого коменданта, обещавшими расстрел за любые нарушения «нового порядка». Через пять с половиной месяцев, в самом конце января 1943 г. в город войдут

партизаны и части РККА, освобождая его от солдат вермахта. Но последствия оккупации будут сказываться и потом: в советских анкетах требовалось указывать сам факт пребывания гражданина на оккупированной территории, и это обстоятельство могло негативно повлиять на поступление человека в институт, его продвижение по службе, выезд за границу. Но все эти события произойдут уже после 9 августа 1942 г. В тот день в город только входили немецкие войска, и майкопчане могли лишь предполагать, что будет дальше. Каждый оказался в ситуации глубокого нравственного выбора, решая для себя, что делать: уйти к партизанам, оказаться на службе в полиции и местной администрации или жить, как ни в чем не бывало. Выбор решения зависел от разных факторов, но во многом определял дальнейшую жизнь человека.

Примечания:

1. Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф., Курбат Т.Г. Война. Юг. Перелом (лето 1942 – осень 1943 гг.). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. 284 с.
2. Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. В 2 кн. М.: Воениздат, 1989. 560 с.
3. Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 1774-а. Оп. 2. Д. 391. Л. 1–2.
4. Линец С.И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 – октябрь 1943 гг.). Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2003. 564 с.
5. Кринко Е.Ф. Трагический август. Кубань в 1942 году // Кубанский сборник: сб. науч. статей по истории края. Краснодар: ООО «Книга», 2006. Т. 1 (22). С. 225–236.
6. Национальный архив Республики Адыгея. Ф. Р-4. Оп. 2. Д. 7. Л. 1.
7. Гречко А.А. Годы войны, 1941–1943. М.: Воениздат, 1976. 574 с.
8. Гречко А.А. Битва за Кавказ. М.: Воениздат, 1967. 424 с.
9. Освобождение городов: справочник по освобождению городов в период Великой Отечественной войны 1941–1945. М.: Воениздат, 1985. 598 с.
10. Битва за Кавказ. М.: Триада-ф, 2002. 411 с.
11. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 г. Т. 2. Отражение советским народом вероломного нападения фашистской Германии на СССР. Создание условий для коренного перелома в войне (июнь 1941 г. – ноябрь 1942 г.). М.: Воениздат, 1961. 682 с.
12. Тике В. Марш на Кавказ. Битва за нефть. 1942/1943. М.: Эксмо, 2005. 448 с.
13. Кринко Е.Ф. Майкоп, 9 августа 1942 года // Информационно-аналитический вестник. История. Этнология. Археология. Майкоп: «Меоты», 2003. Вып. 6, 7. С. 307–314 и др.
14. Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: рассекреченные документы. Хроника событий: в 3 кн. Кн. 1.: Хроника событий 1941–1942 гг. 2-е изд. Краснодар: Диапазон-В, 2005. 816 с.
15. Яковлев С.Ю. Армавир в годы оккупации // Вклад кубанцев в победу над фашизмом. Краснодар: Краснодарские известия, 1996.
16. От Советского Информбюро. 08 августа 1942. URL: <http://9may.ru/08.08.1942/inform> (дата обращения 14.11.2013).
17. От Советского Информбюро. 09 августа 1942. URL: <http://9may.ru/09.08.1942/inform> (дата обращения 14.11.2013).
18. Личный архив Е.Ф. Кринко. Письмо Н.П. Кардашова в редакцию газеты «Майкопские новости» (январь 2001 г.).
19. Личный архив Е.Ф. Кринко. Респондент: Уткин Иван Петрович, 1916 г.р., записан Е.Ф. Кринко 03.08.2002 в г. Майкопе.
20. Личный архив Е.Ф. Кринко. Респондент: Чуканов Виктор Максимович, 1925 г.р., записан Е.Ф. Кринко 03.11.2001 в г. Майкопе.
21. Игнатова Ф. Немцам нравилась Любовь Орлова // Майкопские новости. 2002. 25 января.
22. Роженкова В. Последний защитник моста // Майкопские новости. 2000. 28 января.
23. Алексеев А. Поиск продолжается // Майкопские новости. 1995. 18 апреля.
24. Личный архив Е.Ф. Кринко. Респондент: Ксендз Лидия Михайловна, записана Е.Ф. Кринко 16.11.2001 в г. Майкопе.
25. Хранилище документов новейшей истории Национального архива Республики Адыгея. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1. Л. 9.

26. Мезох В.Ч. Жизнь и профессия летчика-испытателя Гражданской авиации. Майкоп: ГУРИПП «Адыгея», 2001. 344 с.
27. Оккупация // Майкопские новости. 2001. 26 января.
28. Резникова Н. Наташа – партизанка // Адыгейская правда. 1968. 27 января.
29. Личный архив Е.Ф. Кринко. Респондент: Фролова (в девичестве – Щербань) Любовь Михайловна, записана Е.Ф. Кринко 27.07.2002 в г. Майкопе.
30. Мосягин В. Как появился враг // Советская Адыгея. 1993. 30 января.
31. Кринко Е.Ф. Майкопские партизаны. Майкоп: ООО «Аякс», 2007. 347 с.
32. Пятигорский Э.И. На острие войны. Кубань. 1942. Август. Туапсе: ГУ «Краснодарский краевой центр военно-патриотической и поисковой работы и допризывной подготовки молодежи», 2005. 48 с.
33. От Советского Информбюро. 10 августа 1942. URL: <http://9may.ru/10.08.1942/inform> (дата обращения 14.11.2013).
34. От Советского Информбюро. 16 августа 1942. URL: <http://9may.ru/16.08.1942/inform> (дата обращения 14.11.2013).
35. Горбатенко Г. До сих пор жду отца // Советская Адыгея. 1994. 8 декабря.
36. Фирсов С. Кусочек белого хлеба // Майкопские новости. 1995. 26 апреля.
37. Шкурина Н. Нависла черная туча // Советская Адыгея. 1993. 30 января.

References:

1. Matishov G.G., Afanasenko V.I., Krinko E.F., Kurbat T.G. Voina. Yug. Perelom (leto 1942 – osen' 1943 gg.). Rostov n/D: Izd-vo YuNTs RAN, 2012. 284 s.
2. Shtemenko S.M. General'nyi shtab v gody voiny. V 2 kn. M.: Voenizdat, 1989. 560 s.
3. Tsentr dokumentatsii noveishei istorii Krasnodarskogo kraya. F. 1774-a. Op. 2. D. 391. L. 1–2.
4. Linets S.I. Severnyi Kavkaz nakanune i v period nemetsko-fashistskoi okkupatsii: sostoyanie i osobennosti razvitiya (iyul' 1942 – oktyabr' 1943 gg.). Rostov n/D: Izd-vo SKNTs VSh, 2003. 564 s.
5. Krinko E.F. Tragicheskii avgust. Kuban' v 1942 godu // Kubanskii sbor-nik: sb. nauch. statei po istorii kraya. Krasnodar: ООО «Kniga», 2006. T. 1 (22). S. 225–236.
6. Natsional'nyi arkhiv Respubliki Adygeya. F. R-4. Op. 2. D. 7. L. 1.
7. Grechko A.A. Gody voiny, 1941–1943. M.: Voenizdat, 1976. 574 s.
8. Grechko A.A. Bitva za Kavkaz. M.: Voenizdat, 1967. 424 s.
9. Osvobozhdenie gorodov: spravochnik po osvobozhdeniyu gorodov v period Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945. M.: Voenizdat, 1985. 598 s.
10. Bitva za Kavkaz. M.: Triada-f, 2002. 411 s.
11. Istoriya Velikoi Otechestvennoi voiny Sovetskogo Soyuza 1941–1945 gg. T. 2. Otrazhenie sovetskim narodom verolomnogo napadeniya fashistskoi Germanii na SSSR. Sozdanie uslovii dlya korenного pereloma v voine (iyun' 1941 g. – noyabr' 1942 g.). M.: Voenizdat, 1961. 682 s.
12. Tike V. Marsh na Kavkaz. Bitva za neft'. 1942/1943. M.: Eksmo, 2005. 448 s.
13. Krinko E.F. Maikop, 9 avgusta 1942 goda // Informatsionno-analiticheskii vestnik. Istoriya. Etnologiya. Arkheologiya. Maikop: «Meoty», 2003. Vyp. 6, 7. S. 307–314 i dr.
14. Kuban' v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. 1941–1945: rassekrechennye dokumenty. Khronika sobytii: v 3 kn. Kn. 1.: Khronika sobytii 1941–1942 gg. 2-e izd. Krasnodar: Diapazon-V, 2005. 816 s.
15. Yakovlev S.Yu. Armavir v gody okkupatsii // Vklad kubantsev v pobedu nad fashizmom. Krasnodar: Krasnodarskie izvestiya, 1996.
16. Ot Sovetskogo Informbyuro. 08 avgusta 1942. URL: <http://9may.ru/08.08.1942/inform> (data obrashcheniya 14.11.2013).
17. Ot Sovetskogo Informbyuro. 09 avgusta 1942. URL: <http://9may.ru/09.08.1942/inform> (data obrashcheniya 14.11.2013).
18. Lichnyi arkhiv E.F. Krinko. Pis'mo N.P. Kardashova v redaktsiyu gazety «Maikopskie novosti» (yanvar' 2001 g.).
19. Lichnyi arkhiv E.F. Krinko. Respondent: Utkin Ivan Petrovich, 1916 g.r., zapisan E.F. Krinko 03.08.2002 v g. Maikope.
20. Lichnyi arkhiv E.F. Krinko. Respondent: Chukanov Viktor Maksimovich, 1925 g.r., zapisan E.F. Krinko 03.11.2001 v g. Maikope.
21. Ignatova F. Nemtsam nrazilas' Lyubov' Orlova // Maikopskie novosti. 2002. 25 yanvarya.
22. Rozhenkova V. Poslednii zashchitnik mosta // Maikopskie novosti. 2000. 28 yanvarya.

23. Alekseev A. Poisk prodolzhaetsya // Maikopskie novosti. 1995. 18 ap-relya.
24. Lichnyi arkhiv E.F. Krinko. Respondent: Ksendz Lidiya Mikhailovna, zapisana E.F. Krinko 16.11.2001 v g. Maikope.
25. Khranilishche dokumentov noveishei istorii Natsional'nogo arkhiva Respubliki Adygeya. F. 1. Op. 3. D. 1. L. 9.
26. Mezokh V.Ch. Zhizn' i professiya letchika-ispytatelya Grazhdanskoi aviatsii. Maikop: GURIPP «Adygeya», 2001. 344 s.
27. Okkupatsiya // Maikopskie novosti. 2001. 26 yanvarya.
28. Reznikova N. Natasha – partizanka // Adygeiskaya pravda. 1968. 27 yanvarya.
29. Lichnyi arkhiv E.F. Krinko. Respondent: Frolova (v devichestve – Shcher-ban') Lyubov' Mikhailovna, zapisana E.F. Krinko 27.07.2002 v g. Maikope.
30. Mosyagin V. Kak poyavilsya vrag // Sovetskaya Adygeya. 1993. 30 yanvarya.
31. Krinko E.F. Maikopskie partizany. Maikop: OOO «Ayaks», 2007. 347 s.
32. Pyatigorskii E.I. Na ostrie voiny. Kuban'. 1942. Avgust. Tuapse: GU «Krasnodarskii kraevoi tsentr voenno-patrioticheskoi i poiskovoi raboty i doprzyvnoi podgotovki molodezhi», 2005. 48 s.
33. Ot Sovetskogo Informbyuro. 10 avgusta 1942. URL: <http://9may.ru/10.08.1942/inform> (data obrashcheniya 14.11.2013).
34. Ot Sovetskogo Informbyuro. 16 avgusta 1942. URL: <http://9may.ru/16.08.1942/inform> (data obrashcheniya 14.11.2013).
35. Gorbatenko G. Do sikh por zhdu ottsa // Sovetskaya Adygeya. 1994. 8 dekab-rya.
36. Firsov S. Kusocek belogo khleba // Maikopskie novosti. 1995. 26 apre-lya.
37. Shkurina N. Navisla chernaya tucha // Sovetskaya Adygeya. 1993. 30 yanvarya.

УДК 947.0

Захват вермахтом Майкопа (9–10 августа 1942 г.)

Евгений Федорович Кринко

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований
Южного научного центра РАН, Российская Федерация
Заместитель директора, доктор исторических наук
г. Ростов-на-Дону, 344006, проспект Чехова, 41
E-mail: krinko@ssc-ras.ru

Аннотация. Летом 1942 г. вермахт овладел значительной частью городов Северного Кавказа. Статья посвящена захвату немецкими войсками города Майкопа в течение двух дней – 9 и 10 августа. Она написана на основе архивных документов и публикаций последних лет, а также воспоминаний участников и очевидцев рассматриваемых событий, в том числе, записанных непосредственно автором. Они позволили не только проследить ход событий, но и оценить их восприятие самими жителями. Причины столь быстрого захвата Майкопа во многом объясняются общим ходом развития событий на южном участке советско-германского фронта и военно-техническим преимуществом наступавших частей вермахта в ходе второй летней кампании Великой Отечественной войны. Ослабленные в предыдущих боях стрелковые дивизии и бригады Красной армии не сумели остановить натиск танковых и механизированных соединений противника. Сказались неподготовленность города к серьезной обороне, несогласованность в действиях армейского командования и местного руководства. Немаловажную роль в овладении Майкопом сыграли немецкие диверсанты полка специального назначения «Бранденбург», сумевшие внести дезорганизацию в действия защитников города. Неожиданная оккупация Майкопа стала трагедией для большинства его жителей.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Красная армия; вермахт; Майкоп; оккупация.